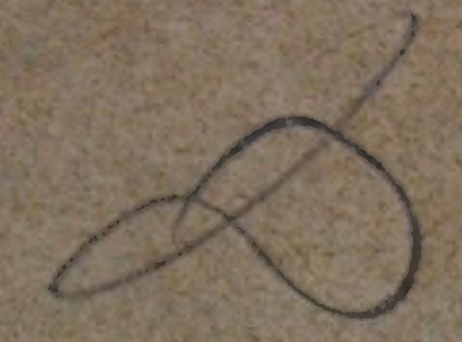
Лавров П.Л.

Две речи

1887

3 экз

Изданiе русскаго рабочаго общества въ Парижѣ.

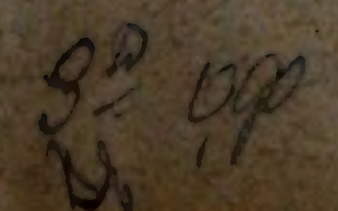
ДВѢ РѢЧИ.

П. Л. ЛАВРОВА.

1. Роль и формы соцiалистической пропаганды.
2. Черезъ восемь лѣтъ (1871—1879—1887).

ЖЕНЕВА
Вольная русская типографiя
1887

РОЛЬ И ФОРМЫ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

(Рѣчь, читанная П. Л. Лавровымъ въ Русскомъ рабочемъ обществѣ въ Парижѣ 15 января 1887 г.)

I

Современный соціализмъ есть историческій продуктъ капиталистическаго строя общества, результатъ борьбы между интересами представителей труда и представителей капитала. Съ этой точки зрѣнія онъ нуждается въ разъясненіи для массы рабочихъ отношенія этого ученія къ ихъ интересамъ и отношенія различныхъ общественныхъ формъ и явленій къ основѣ соціалистическаго ученія. Точно также, для наилучше понимающей доли господствующихъ классовъ, необходимо научное разъясненіе того, почему соціализмъ составляетъ законный исходъ изъ современныхъ экономическихъ условій, и насколько онъ неизбѣжно вытекаетъ изъ этихъ самыхъ условій. Соціализмъ есть, въ тоже время, идеалъ нравственнаго общежитія, какъ осуществляющаго высшій, возможный въ наше время, типъ справедливыхъ отношеній между людьми. И съ этой точки зрѣнія онъ нуждается въ проповѣди, способной вызвать къ самоотверженной борьбѣ за него всю развитую долю человѣчества, стремящуюся сознательно воплотить въ жизнь свои убѣжденія, или хотя бы способную пробудиться къ нравственной жизни.*)

Слѣдовательно, для соціализма, точно также какъ

*) О различныхъ элементахъ, входящихъ въ содержаніе современнаго соціализма, см. особенно „Задачи Соціализма" въ № 1 „Вѣстника Народной Воли" 1883 г.

для всякой борьбы во имя сталкивающихся интересовъ, для всякаго расширенія пониманія, для всякой нравственной проповѣди, необходимо орудіе пропаганды. А для соціализма оно можетъ быть тѣмъ разностороннѣе, что онъ есть въ одно и то же время и борьба сталкивающихся интересовъ, и болѣе ясное пониманіе условій общественнаго строя и историческаго прогресса, и вызовъ къ воплощенію нравственныхъ идеаловъ. Но эта разносторонность соціализма обусловливаетъ и нѣкоторыя отличительныя черты въ его пропагандѣ.

Какъ борьба интересовъ, онъ вызываетъ столкновеніе между личностями и личностей съ общественнымъ строемъ. Онъ есть, по самой своей сущности, ученіе революціонное. Какъ проповѣдь нравственнаго общежитія онъ, напротивъ, стремится довести до минимума борьбу между личностями и бѣдствія революціонныхъ катастрофъ. При этомъ мирная пропаганда и революціонная агитація, проповѣдь всеобщей коопераціи для всеобщаго развитія и страстная ненависть къ врагамъ соціализма, вызывающая террористическія дѣйствія, вступаютъ какъ будто въ столкновеніе. Партіямъ „пропагандистовъ“ противупоставляются партіи „бунтарей“. „вспышко-пускателей“, „террористовъ“, заговорщиковъ, И всѣ онѣ, большею частью, вполнѣ искренно считаютъ себя борцами за дѣло соціализма. Всѣ онѣ съ убѣжденіемъ выставляютъ, каждая, свою программу, какъ единственную истинную для соціалистовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ съ ожесточеніемъ стараются вредить успѣшной дѣятельности другой соціалистической фракціи. Пропаганда *дѣломъ* выступаетъ какъ бы противуположеніе пропагандѣ *словомъ*. Исторія выказываетъ это печальное явленіе, впрочемъ неизбѣжное на всѣхъ ступеняхъ прогресса человѣческой мысли, и среди религіозныхъ сектъ и среди чисто-политическихъ партій; необходимо разглядѣть его въ каждомъ случаѣ и убѣдиться, для вопроса, здѣсь разсматриваемаго, точно ли существуетъ противурѣчіе между этими отраслями соціалистической дѣятельности.

II

На пропагандѣ словомъ я остановлюсь очень недолго, потому что условія ея сами собою ясны и всѣмъ извѣстны. Предъ соціалистомъ его единовѣрцы, силу мысли и дѣятельность которыхъ онъ имѣетъ въ виду увеличивать и долженъ дѣлать это. Предъ нимъ возможные союзники, которыхъ слѣдуетъ завоевать. Предъ нимъ враги, которыхъ надо ослабить. Уже эти три отрасли пропаганды представляютъ немалую разницу.

Для лицъ, признающихъ себя соціалистами, нужно только разъясненіе принциповъ, ими уже принятыхъ. Нуженъ логическій выводъ изъ посылокъ, уже не подлежащихъ для нихъ критикѣ. Необходимъ пересмотръ снова и снова всѣхъ возникающихъ общественныхъ вопросовъ, всѣхъ представляющихся комбинацій событій, чтобы разъяснить, какое отношеніе каждый вопросъ, каждая комбинація событій имѣетъ къ задачамъ соціализма. Необходимо вооружить товарищей по дѣлу все болѣе сильными аргументами въ борьбѣ съ противниками; обогатить ихъ память и воображеніе фактами, наиболѣе наглядно свидѣтельствующими о неизбѣжности соціальнаго переворота. И, рядомъ съ этимъ, нужна забота объ организаціи партіи, объ охраненіи ея отъ враговъ, о соглашеніи, во имя высшаго интереса общаго дѣла, личныхъ столкновеній, случайнаго сепаратизма.

Въ пропагандѣ среди возможныхъ союзниковъ тактика пропагандиста представляетъ уже значительныя отличія. Тутъ общепринятыхъ соціалистическихъ посылокъ для него не существуетъ. Почву для него составляютъ интересы, аффекты, убѣжденія группъ, къ которымъ онъ обращается. Онъ станетъ доказывать мелкому буржуа, насколько фатально поглощеніе его промышленнымъ магнатомъ и насколько въ его интересахъ наступленіе порядка, гдѣ это поглощеніе будетъ устранено. Онъ разъяснитъ рабочему, смутно понимающему источникъ своего хроническаго голоданія

и своего униженія предъ патрономъ, какъ неизбѣжно весь современный общественный строй ведетъ къ этому униженію, и какъ лишь общее усиліе рабочихъ массъ можетъ обезпечить ему и кусокъ хлѣба и человѣческое достоинство. Онъ разовьетъ предъ труженикомъ науки необходимую связь между правдою въ мысли и правдою въ жизни, и покажетъ ему неотвратимый процессъ историческаго развитія, который въ прежнихъ экономическихъ и политическихъ формахъ подготовлялъ капитализмъ и создалъ его, точно также, какъ теперь, въ капиталистическомъ строѣ общества, подготовляетъ строй соціалистическій и столь же фатально долженъ создать его. Искреннему патріоту придется указать, какъ существующій порядокъ вещей ведетъ къ раззоренію огромнаго большинства любимыхъ имъ соотечественниковъ, къ деморализаціи и страждущихъ и господствующихъ классовъ, и какъ, во имя преданности родинѣ, онъ нравственно обязанъ содѣйствовать замѣнѣ этого порядка инымъ, при которомъ единственно и возможно матеріальное, интеллектуальное и нравственное улучшеніе положенія массъ. Будетъ ли во всѣхъ этихъ случаяхъ пропагандистъ употреблять терминъ „соціализмъ" или нѣтъ, это—все равно. Важно лишь то, чтобы въ умахъ развивались идеи, подкапывающія вѣру въ неизмѣнность существующаго порядка, идеи, которыя указывали бы путь къ борьбѣ противъ этого порядка. Лишь на подготовленной такимъ образомъ почвѣ начинается подборъ личностей, которыя, входя въ соціалистическую организацію, изъ возможныхъ союзниковъ становятся дѣйствительными товарищами.

Полемика съ врагами не требуетъ никакихъ особенныхъ разъясненій. Относительно ея приходится только напомнить, что среди сегодняшнихъ враговъ могутъ быть завтрешніе сторонники и, слѣдовательно, что приходится строго различать личности, для которыхъ подобная эволюція еще возможна, отъ тѣхъ, которыя въ этомъ отношеніи безнадежны. Для первыхъ полемика

не должна быть никогда полнымъ подрывомъ авторитета, а только указанiемъ на ошибки въ направленiи, оставляя всегда возможность, въ случаѣ эволюцiи противника, перейти къ инымъ отношенiямъ. Но и для непримиримыхъ враговъ силу нападенiя вовсе не слѣдуетъ отожествлять съ его рѣзкостью. Иногда даже послѣдняя прямо ослабляетъ первую. Можно привести не мало примѣровъ, когда излишне рѣзкое нападенiе, именно вслѣдствiе своей рѣзкости, внушало недовѣрiе къ пишущему и вызывало реакцiю въ пользу лица, на которое совершено было нападенiе.

Но для разбираемаго въ настоящую минуту вопроса еще важнѣе раздѣленiе прiемовъ пропаганды на основанiи и другихъ общественныхъ условiй, которыя пропагандисту соцiализма нельзя не взять во вниманiе.

Въ современномъ обществѣ соцiализму противудѣйствуютъ не только экономическiе порядки и юридическiя нормы, ихъ обороняющiя. Ему препятствуютъ и различныя общественныя формы, не прямо входящiя въ борьбу труда съ капиталомъ, но являющiяся или неизбѣжными сторонниками капитала въ этой борьбѣ и противниками распространенiя соцiализма, или даже неизбѣжными врагами всякаго общественнаго прогресса. Таковы, въ особенности, различныя ограниченiя правъ голосованiя въ однихъ конституцiонныхъ государствахъ, формы суда въ другихъ, способъ отправленiя военной повинности, плата за обученiе въ школахъ, организацiя полицiи, ограниченiе правъ устройства собранiй, наконецъ, въ самыхъ безобразныхъ политическихъ центрахъ — и среди нихъ, къ сожалѣнiю, приходится поставить Россiю—полное отсутствiе всѣхъ политическихъ правъ личности, всѣхъ элементовъ ея самостоятельнаго развитiя. Въ нѣкоторыхъ странахъ не малое препятствiе — хотя и меньшее, чѣмъ въ прежнiя эпохи исторiи — представляютъ догматическое вѣроученiе и организованная церковь. Для того, чтобы борьба труда съ капиталомъ могла идти съ лучшими шансами для перваго, необходимо въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ предварительно разрушить нѣкоторыя изъ этихъ препятствій. Но для разныхъ странъ встрѣчаются значительныя различія въ томъ, на сколько существенны въ каждой изъ нихъ для успѣховъ соціализма тѣ или другія наличныя препятствія, и на сколько настоятельно употребить долю силъ соціалистической партіи на ихъ разрушеніе. Въ Германіи рабочая партія умѣла организоваться на столько прочно до начала прямыхъ преслѣдованій, что она и теперь можетъ дать лишь второстепенное мѣсто въ своей программѣ препятствіямъ удачной борьбѣ труда съ капиталомъ. Можетъ быть въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ прочно установившаяся традиція личной свободы и личныхъ политическихъ правъ позволитъ и тамъ рабочимъ партіямъ организоваться не менѣе прочно. Уже вовсе не таково положеніе дѣлъ во Франціи и въ южной Европѣ, гдѣ не столько законы, сколько политическія и централистическія традиціи, являются весьма немаловажными препятствіями подобной организаціи. Еще хуже положеніе дѣлъ въ Россіи, гдѣ полицейскій деспотизмъ, полное отсутствіе традиціонныхъ правъ у промышленныхъ рабочихъ и крайнее отсутствіе связи между сельскими общинами (охватывающими большинство рабочаго населенія) полагаютъ почти непреодолимыя преграды организаціи сколько нибудь сильной рабочей партіи.

Соціалистической пропагандѣ приходится, по этому, въ каждой странѣ имѣть въ виду и тѣ вторичныя препятствія, которыя необходимо побороть убѣжденнымъ соціалистамъ прежде чѣмъ получить возможность успѣшно организовать рабочую партію. Такимъ образомъ соціалистическая пропаганда вырабатываетъ агитацію въ пользу политическихъ реформъ или революцій, какъ необходимую отрасль своего дѣла, причемъ не только каждое государство, но каждая экономически и исторически обособленная мѣстность представляютъ уже крайнее разнообразіе, какъ почвы этой агитаціи. Худшій составъ полиціи въ данной мѣстно-

сти, менѣе внимательное начальство въ данномъ отдѣлѣ войскъ, существованіе въ другомъ историческихъ традицій (какъ, напримѣръ, казачества), скопленіе болѣе энергическихъ личностей въ данномъ учебномъ заведеніи, и т. под., могутъ дать революціонной агитаціи почву, отсутствующую въ другихъ мѣстностяхъ, точно также, какъ то или другое раздѣленіе чисто-политическихъ партій въ данной странѣ можетъ облегчить возможность легальныхъ реформъ, способствующихъ успѣху соціалистическихъ идей и рабочей организаціи.

Можно сказать вообще, что чисто-соціалистическая мирная пропаганда словомъ живымъ и печатнымъ, точно также какъ политическая агитація противъ препятствій, представляющихся этой пропагандѣ и рабочей организаціи, не только не единообразна всегда и вездѣ, но, оставаясь единою въ своихъ принципахъ и въ окончательныхъ преслѣдуемыхъ ею результатахъ, эта пропаганда видоизмѣняется до крайности въ своихъ формахъ, смотря по тому, къ кому она обращена, и какимъ образомъ борьба труда съ капиталомъ усложняется борьбою противъ различныхъ препятствій рабочей организаціи и распространенію соціалистическихъ идей.

III

Перехожу къ предполагаемой противуположности пропаганды *словомъ* и пропаганды *дѣломъ*, къ столкновеніямъ партій „бунтарей“ и „террористовъ“ съ партіями „пропагандистовъ“. Здѣсь мы слышимъ взаимныя обвиненія. Съ одной стороны обвиняютъ противниковъ въ томъ, что средства, ими употребляемыя, не согласны съ условіями созданія соціалистическаго строя, какъ царства справедливости; съ другой, въ томъ, что мирная пропаганда соціалистическихъ идей въ большей части случаевъ или невозможна, или безплодна въ виду враговъ, обладающихъ всѣми силами государства, и

противъ которыхъ приходится бороться лишь насильственными мѣрами. Но тутъ едва-ли не приходится признать съ обѣихъ сторонъ недоразумѣнія.

Если пропагандисты, при своей дѣятельности, не берутъ въ соображенiе постороннихъ препятствiй и пропагандѣ идей соцiализма, и организацiи рабочей партiи, то ихъ пропаганда безсильна не потому, что она *только* пропаганда, а потому, что онэ—*неполная* пропаганда. Элементъ агитацiи противъ наличныхъ юридическихъ и культурныхъ препятствiй успѣхамъ соцiализма составляетъ, какъ только-что было сказано, необходимый элементъ соцiалистической пропаганды. Соцiалистъ обязанъ бороться съ препятствiями, встрѣчающимися его дѣлу, точно такъ-же, какъ обязанъ уяснять основы этого дѣла своимъ товарищамъ и возможнымъ союзникамъ, какъ обязанъ полемизировать противъ сторонниковъ капитализма. Въ программу его дѣятельности, какъ пропагандиста, должно одинаково опредѣленно войти и то, и другое. Его борьба противъ препятствiй соцiализму должна въ своихъ формахъ соотвѣтствовать силѣ и опасности этихъ препятствiй. И лишь тогда, когда программа дѣятельности для него установлена, онъ можетъ сказать ясно, какiя формы борьбы не соотвѣтственны его задачѣ и какiя ею могутъ быть допущены. Не бунтъ, какъ таковой, не терроризмъ, какъ таковой, вообще говоря, не согласны съ соцiалистической пропагандой, но бунтарство опредѣленной формы, въ опредѣленномъ строѣ, можетъ быть вредно; столь-же опредѣленные террористическiе факты, при столь же опредѣленныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть опасны для успѣховъ партiи. Степень пользы или вреда во всѣхъ этихъ случаяхъ опредѣляется ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ самымъ условiемъ, которое видоизмѣняетъ и мирную пропаганду: на кого имѣютъ въ виду дѣйствовать, вызывая бунтъ, поражая воображенiе общества террористическими фактами? Какое препятствiе думаютъ устранить ими? Не внесетъ ли тотъ или другой неясность пониманiя въ мысль сторонниковъ соцiализма?

Не вызоветъ ли онъ деморализаціи или распаденія въ организующейся или организованной соціалистической партіи? Во всѣхъ этихъ случаяхъ пропаганда словомъ и пропаганда дѣломъ ставятъ себѣ совершенно одинаковыя задачи, составляютъ двѣ отрасли одного и того же дѣла. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ одна изъ нихъ исключаетъ другую, при другихъ обѣ должны дѣйствовать совмѣстно, при чемъ между ними необходимо установить гармоническое соглашеніе.

Но столь же странно отрицаніе пропаганды словомъ во имя какой бы то ни было революціонной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи соціальныя партіи ничѣмъ не отличаются отъ политическихъ, или даже отъ религіозныхъ сектъ. Если готовится какое либо дѣйствіе, если оно совершается или совершено, то, для его общественнаго успѣха, вполнѣ необходимо, чтобы его значеніе было ясно понято. Значитъ, его надо истолковать, уяснить, комментировать. Если готовится заговоръ для низверженія существующаго правительства и для замѣны его другимъ, то необходимо, чтобы распространилось опредѣленное неудовольствіе противъ наличнаго порядка вещей и чтобы вызвано было сочувствіе къ тому, которое готовится. Если пали жертвы терроризма революціоннаго или отбиты жертвы у терроризма правительственнаго, то необходимо уяснить обществу смыслъ и значеніе совершившагося событія. Ни одинъ бунтъ, ни одно нападеніе на существующій порядокъ не могутъ имѣть серьезнаго значенія даже въ случаѣ удачи, и самое блестящее дѣло не можетъ быть дѣйствительнымъ, если не существуетъ надлежащимъ образомъ обработанной почвы, чтобы воспользоваться бунтомъ, нападеніемъ, блестящимъ дѣломъ въ опредѣленномъ направленіи, если не подготовлены вольные и невольные пособники и сочувствующіе. Но все это можетъ быть лишь дѣломъ пропаганды словомъ живымъ, писаннымъ или печатнымъ. Пропаганда дѣломъ не могла и не можетъ имѣть никакого общественнаго, историческаго или даже серьезнаго агитаціоннаго

смысла, если она не опирается на пропаганду словомъ. Всякій „бунтарь“, всякій революціонеръ-террористъ, если онъ вдумается въ свое дѣло, пойметъ, что, рядомъ съ его дѣятельностью, должна идти дѣятельность уясненія, распространенія идей, привлеченія товарищей, сторонниковъ, сочувствующихъ, должна идти дѣятельность пропагандистская и организаціонная. Пропаганда дѣломъ, по самой своей сущности, предполагаетъ пропаганду словомъ. Онѣ разнятся лишь, какъ двѣ функціи одного и того же организма.

Склонность личностей принять на себя одну изъ этихъ функцій зависитъ, преимущественно, отъ темперамента личности, но люди самыхъ различныхъ темпераментовъ могутъ быть вынуждены обстоятельствами участвовать въ той или другой дѣятельности. Иные думаютъ, что онѣ требуютъ различнаго подготовленія, но ихъ тѣсная связь между собою дѣлаетъ это сомнительнымъ. Вообще, я не остановлюсь на вопросѣ, на сколько личность должна быть хорошо подготовлена, чтобы участвовать съ пользою въ соціально-революціонномъ движеніи. Въ общественномъ дѣлѣ, большею частью, фиктивно различіе эпохи подготовленія къ дѣятельности и самой дѣятельности. Какъ только у личности достаточно ума и энергіи, то здѣсь, всего чаще, *учатся уча*, и самое лучшее средство собственнаго развитія есть работа для развитія другихъ. „Я не готовъ еще“ — слишкомъ часто не болѣе какъ отговорка эгоизма и индифферентизма, точно также какъ, ссылаясь на необходимость практической дѣятельности, какъ на причину недостатка своей теоретической подготовки, слишкомъ часто лѣнивый умъ свидѣтельствуетъ лишь о своей неохотѣ работать надъ саморазвитіемъ. Достигнутая степень развитія можетъ опредѣлить болѣе крупную или болѣе подчиненную роль участника въ соціалистическомъ дѣлѣ, но въ тѣхъ или въ другихъ размѣрахъ участіе въ немъ возможно для всякаго искренняго соціалиста.

IV

Но еще другая форма пропаганды соціализма, уже доступная всѣмъ темпераментамъ при искренности убѣжденія, возможна для всякаго соціалиста, и эта форма пропаганды очень часто, хотя и лишенная блеска пламеннаго слова и героическаго дѣла, едва-ли не оказывается самою дѣйствительною въ жизненномъ обиходѣ.

Она вытекаетъ изъ той же разносторонности соціализма, на которую я обратилъ ваше вниманіе при началѣ нашей бесѣды, но преимущественно коренится въ смыслѣ нравственной проповѣди соціализма, и потому иногда недостаточно оцѣнивается людьми, для которыхъ на первый планъ выступаетъ *только* борьба классовыхъ интересовъ, или *только* пониманіе истиннаго отношенія между условіями общественнаго быта и событіями исторіи.

Какъ стремленіе къ болѣе справедливому общественному строю, соціализмъ не есть лишь одна изъ сферъ жизни человѣка, убѣдившагося въ его истинѣ. Онъ охватываетъ всѣ сферы этой жизни. Онъ требуетъ не только борьбы за интересы рабочаго, не только пониманія отношенія труда къ капиталу и отношенія различныхъ общественныхъ явленій къ классовой борьбѣ. Онъ требуетъ обыденной жизни, согласной съ соціалистическими убѣжденіями. Онъ требуетъ пропаганды *примѣромъ*. Я считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на этомъ видѣ пропаганды, тѣмъ болѣе, что обстановка современнаго строя безпрестанно ставитъ соціалисту не менѣе препятствій жить согласно соціалистическимъ убѣжденіямъ, чѣмъ юридическія условія — распространенію соціалистическихъ идей и полицейскій надзоръ—соціально-революціонной агитаціи.

Давно уже замѣчено,*) что величайшіе перевороты въ области общественной мысли совершались не вслѣд-

---

*) См., напримѣръ, „введеніе" въ W. E. Lecky: „History of the rise and influence of the spirit of rationalism in Europe" (1865).

ствіе усиленія аргументовъ противъ существующихъ общественныхъ формъ и вѣрованій, но вслѣдствіе незамѣтнаго измѣненія привычекъ мысли. Въ продолженіе вѣковъ повторялись одни и тѣ же аргументы, но та броня привычнаго строя мысли, отъ которой долго отскакивали всѣ снаряды борьбы противъ лжи, лишь въ опредѣленную эпоху стала разомъ уступать, повидимому безъ всякой достаточной причины. Религіозныя сомнѣнія, политическій либерализмъ, пропаганда рабочаго соціализма могутъ въ большей или меньшей мѣрѣ представить этому поразительные примѣры. И героическіе подвиги, поражая воображеніе, лишь подготовляютъ почву для измѣненія. Большинство руководится и долго еще будетъ руководится привычками, а потому для него аргументація безполезна. Большинство измѣняетъ привычки лишь путемъ переимчивости, а переимчивость лишь для исключительно-поставленныхъ единицъ можетъ распространяться на героическія дѣйствія: ея область — жизнь обыденная. Всякое новое ученіе, заключающее въ себѣ жизненные, нравственные элементы, должно выставлять рядъ жизненныхъ образцовъ, которымъ удобно было-бы слѣдовать дюжинному человѣку, не исключительному герою. Эти многочисленные образцы, воплощающіе новое ученіе въ предѣлахъ обыденной жизни, суть для огромнаго большинства самые дѣятельные пропагандисты новизны. Правда жизненная далеко доступнѣе правды мыслимой. То, что человѣкъ проповѣдуетъ, дѣйствуетъ на немногихъ, наилучше подготовленныхъ; то, какъ человѣкъ живетъ, менѣе замѣтно, но болѣе прочно дѣйствуетъ на массы. Пропаганда примѣромъ обыденной жизни является самымъ могущественнымъ агентомъ пропаганды словомъ и очень часто превосходитъ, по своему вліянію, самую энергическую агитацію противъ существующаго зла.

Такъ было среди аскетовъ первобытныхъ вѣрованій. Такъ было при распространеніи техническихъ завоеваній человѣка или эстетическаго вкуса. Такъ было

для позднѣйшихъ религіозныхъ апостоловъ разныхъ періодовъ. Оно такъ и осталось среди соціалистовъ, противопоставляющихъ ученіе солидарности всѣхъ трудящихся капиталистической доктринѣ конкурренціи между всѣми изъ за обогащенія. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ соціалистическое движеніе опирается на сильную организацію рабочей партіи, на выработавшую уже свои правильныя формы борьбу интересовъ, тамъ частная жизнь соціалиста можетъ имѣть менѣе значенія. Но это особенно важно тамъ, гдѣ борцами за соціальныя идеи являются убѣжденные элементы класса, который, собственно по своимъ классовымъ интересамъ, не могъ бы давать много сторонниковъ соціализму. Это особенно важно для Россіи, гдѣ большинство соціалистовъ вовсе не принадлежитъ къ рабочему классу, а правильная организація рабочей партіи остается еще въ довольно далекомъ будущемъ.

Соціализмъ, какъ подготовленіе царства справедливости, солидарности трудящихся, устраненія конкурренціи требуетъ не только аргументаціи противъ бѣдствій капитализма и коллективной борьбы противъ него. Онъ требуетъ не только героическихъ дѣлъ борьбы за братьевъ и противъ могучаго врага: подобныя героическія дѣла совершаются энергическими личностями реакціонныхъ партій на столько же, какъ и сторонниками партій передовыхъ. Онъ требуетъ отъ личности обыденной жизни, ежедневныхъ привычекъ, проникнутыхъ отвращеніемъ къ элементамъ капиталистическимъ въ этой жизни, проникнутыхъ чувствомъ солидарности съ борцами за соціалистическую истину. Онъ требуетъ отъ своихъ сторонниковъ усвоенія элементарныхъ влеченій и наклонностей, согласныхъ новому ученію. Онъ требуетъ, какъ было сказано, непрерывной пропаганды примѣромъ. А это едва ли не труднѣе и пониманія неизбѣжности процесса, вырабатывающаго соціалистическій строй изъ капиталистическаго, и героическаго терроризма.

Я не буду говорить объ искусственномъ устройствѣ

соціалистической жизни въ модельныхъ соціалистическихъ общинахъ, которыя учреждаются — большею частью гдѣ нибудь въ Америкѣ — вдали отъ той среды, исторія которой породила современный соціализмъ. Икарійцы и перфекціонисты, русскіе мистики, вскрывающіе въ человѣкѣ высшую природу, и еврейскіе іерусалимцы, это все — тепличные опыты, или стремленія, чуждыя настоящей жизни, быстро потерявшія жизненность, или обреченные, по самой своей сущности, на ея потерю. Для истиннаго соціалиста дѣло идетъ не о томъ, чтобы бѣжать въ пустыню и отдѣлиться отъ капиталистическаго общества, но о томъ, чтобы, примѣромъ жизни, точно также какъ словомъ и дѣломъ, бороться съ капиталистическимъ строемъ въ его средѣ, подорвать и замѣнить его.

Въ настоящую минуту я не имѣю времени останавливаться на вопросѣ, въ чемъ именно, при нынѣшнемъ строѣ общества, можетъ состоять пропаганда примѣромъ, доступная соціалисту и въ то же время не лишающая его средствъ быть силою въ борьбѣ за торжество соціализма, какъ политической партіи. Принимая, что настоящія обстоятельства въ каждой странѣ вырабатываютъ извѣстный комплексъ практическихъ правилъ, обусловливающихъ соціалистическую жизнь, я остановлюсь лишь на общихъ соображеніяхъ, какое значеніе для личности соціалиста и для группы, къ которой онъ принадлежитъ, имѣетъ отступленіе отъ этихъ правилъ, преступленіе противъ соціалистической нравственности.

Всякій человѣкъ, заявившій себя соціалистомъ, долженъ помнить, что, во имя этого заявленія, онъ пересталъ быть отвѣтственнымъ лично только за себя, даже въ томъ случаѣ, когда онъ и не входитъ ни въ какую установившуюся организацію. Онъ принадлежитъ партіи, которую ненавидятъ и на которую клевещутъ, какъ это всегда бывало, всѣ тѣ, интересы которыхъ подрываетъ соціалистическое ученіе. Всякое не только неправильное, но просто не осторожное, его

дѣйствіе будетъ не только аргументомъ въ рядахъ враговъ противъ соціалистовъ вообще, но способно оттолкнуть возможныхъ союзниковъ, сочувствующихъ и колеблющихся, отъ болѣе тѣснаго сближенія съ партіею, отъ поддержки ея въ завтрашней борьбѣ. Способы, которыми онъ, соціалистъ, добываетъ себѣ насущный хлѣбъ, его пріятельскія сношенія и личныя знакомства, его снисхожденіе къ товарищу, принявшему участіе въ позорномъ или сомнительномъ дѣлѣ, его интимная семейная жизнь — ни о чемъ изъ этого онъ не можетъ сказать: это мое дѣло и ничье больше. Нѣтъ, это — не только его дѣло, какъ только онъ заявилъ себя солдатомъ въ великой борьбѣ подъ краснымъ знаменемъ, все болѣе распространяющейся и заостряющейся въ мірѣ. Соціалистъ — человѣкъ, какъ всѣ, и принужденъ, въ борьбѣ за существованіе, въ общественныхъ сношеніяхъ и въ интимной жизни, далеко не всегда поступать такъ, какъ было бы желательно, но онъ долженъ сознательно рѣшаться на тотъ или другой поступокъ, какъ часовой на опасномъ посту сознательно взвѣшиваетъ каждый свой шагъ, каждое движеніе, оцѣнивая, на сколько онъ можетъ рискнуть въ ту или другую минуту. Человѣкъ, называющій себя соціалистомъ и поддерживающій прямыхъ враговъ соціализма, пріятельствующій съ ренегатами, позволяющій себѣ монопольный захватъ, идущій по личному побужденію на грабежъ, какъ бы въ пользу общественнаго дѣла, предающійся унизительному разврату, долженъ отдавать себѣ отчетъ, что онъ, совершая это сознательно, топчетъ въ грязь знамя партіи, къ которой принадлежитъ, и на которую падутъ съ бо́льшею силой справедливыя или несправедливыя обвиненія, имъ заслуженныя, чѣмъ на него самаго. Тамъ, гдѣ провозглашена солидарность борцовъ за правду, съ каждымъ движеніемъ каждаго заявленнаго борца фатально солидарна вся партія.

И потому самая тяжкая отвѣтственность во всѣхъ этихъ случаяхъ падаетъ не столько на личность, кото-

рая можетъ ослабѣть и увлечься, можетъ допускать компромиссы подъ давленіемъ обстоятельствъ, и можетъ, подъ вліяніемъ аффекта, обманывать себя относительно значенія своихъ дѣйствій. Отвѣтственность падаетъ особенно на группу ея товарищей-соціалистовъ, окружающихъ нарушителя соціалистической нравственности атмосферой общежитія. Они менѣе рискуютъ ошибаться, увлекаться и слабѣть. Они обязаны поддерживать товарища на правильномъ пути, сдерживать его въ періоды увлеченія. Они должны понимать, что пропаганда примѣромъ есть самая дѣйствительная для массы, что она также сильно деморализуетъ партію въ одномъ случаѣ, какъ возвышаетъ и скрѣпляетъ ее въ другомъ. Если бы каждый сторонникъ соціалистическаго дѣла былъ увѣренъ, что его товарищи не простятъ ему ни одного поступка, вреднаго значенію партіи, что близкіе пріятели отвернутся отъ него, что дорогая ему женщина взглянетъ на него съ презрѣніемъ, что кругъ серьезныхъ борцовъ за правду будетъ закрытъ для него, онъ во многихъ случаяхъ не рѣшился бы на этотъ поступокъ и деморализаціонное дѣйствіе подобнаго примѣра не имѣло бы мѣста.

Я остановился на пропагандѣ примѣромъ, такъ какъ въ современной соціалистической литературѣ и въ современныхъ вопросахъ соціалистической дѣятельности этой важной отрасли пропаганды придавали, какъ мнѣ кажется, недостаточно значенія. Но, конечно, и тутъ необходима оговорка. Было бы горькимъ заблужденіемъ для соціалиста, если бы онъ полагалъ, что, ведя соціалистически-безупречную обыденную жизнь, онъ тѣмъ самымъ исполнилъ всѣ свои обязанности и можетъ отказаться отъ участія въ борьбѣ противъ капитализма, даже когда она для него вполнѣ возможна, можетъ сторониться отъ противленія злу и уживаться съ юридическими и культурными препятствіями соціалистическому дѣлу. Уединеніе древняго мудреца и христіанскаго аскета, самоудовлетвореніе безупречностью спокойнаго существованья, сторонясь отъ вся-

кой активной борьбы, есть извращеніе соціалистическаго идеала. Соціализмъ есть *не только* подготовленіе царства справедливости нравственными усиліями отдѣльныхъ особей, да и никогда царство справедливости не могло и не можетъ быть подготовлено личною жизнью, и „непротивленіе злу“ никогда не могло войти въ задачу нравственной жизни. Царство справедливости должно быть не только подготовлено *примѣромъ*; оно должно быть уяснено горячимъ и яснымъ *словомъ;* оно должно быть завоевано энергическимъ *дѣломъ.* Привычки общества измѣняются незамѣтно вліяніемъ обыденныхъ образцовъ; но это подготовленіе осмысливается распространеніемъ лучшаго пониманія общественныхъ задачъ; подготовляемая побѣда должна быть еще одержана самоотверженнымъ коллективнымъ усиліемъ. Всѣ три проявленія соціализма требуютъ одинаковаго вниманія и лишь въ своей гармоніи осуществляютъ его задачу. Пропаганда *примѣромъ* имѣетъ, можетъ быть, преобладающее значеніе въ практическомъ подготовленіи его торжества; пропаганда *словомъ* одна можетъ выработать то пониманіе, которое придастъ этому торжеству прочность и безповоротность; но лишь энергическое *дѣло* доставитъ соціализму торжество на каждой ступени его борьбы съ врагами.

V

Время не дозволяетъ мнѣ распространяться о задачѣ, которая касается до всѣхъ сторонъ жизни, такъ какъ, повторяю, соціализмъ есть ученіе, охватывающее всѣ ея формы. Но я увѣренъ, что мои слушатели, продумывая намѣченные здѣсь результаты, сами сдѣлаютъ изъ нихъ дальнѣйшіе и обширнѣйшіе выводы. Резюмирую сказанное.

Пропаганда соціализма имѣетъ цѣлью уяснить его основныя положенія и его жизненныя приложенія, расширяя число его сторонниковъ, скрѣпляя ихъ организацію, разрушая препятствія этому процессу и содѣй-

ствуя его болѣе быстрому и болѣе успѣшному ходу.

Какъ пропаганда словомъ, она разнообразится, смотря по группамъ, къ которымъ обращается, и по обстоятельствамъ въ странѣ, гдѣ дѣйствуетъ пропагандистъ.

Пропаганда словомъ и пропаганда дѣломъ не только не противорѣчивы, но одна непремѣнно предполагаетъ другую и служитъ ей контролемъ. Первая необходимо вызываетъ къ дѣлу; вторая столь же неизбѣжно опирается на пропаганду словомъ. Это — двѣ функціи одного и того же организма.

Но за этими двумя формами коллективной работы соціалистовъ, огромное значеніе имѣетъ еще третій видъ, пропаганда примѣромъ, которая одна, для большинства, реализируетъ пропаганду словомъ и измѣняетъ привычки мысли и жизни, т. е., въ дѣйствительности совершаетъ превращеніе общественнаго настроенія и дѣлаетъ общество воспріимчивымъ къ энергическому дѣлу исключительныхъ личностей, — создаетъ плодотворную почву для этого дѣла.

Лишь въ гармоническомъ содѣйствіи и взаимодѣйствіи всѣхъ этихъ трехъ отраслей пропаганды можетъ заключаться быстрый успѣхъ соціализма.

ЧЕРЕЗЪ ВОСЕМЬ ЛѢТЪ
1871—1879—1887.

(Рѣчь, сказанная 19 Марта 1887 г. П. Л. Лавровымъ на вечеринкѣ, данной въ Парижѣ польскимъ соціалистическимъ клубомъ Пролетаріатъ и Русскимъ рабочимъ обществомъ.)

Дорогіе товарищи!

Мы снова собрались, чтобы вмѣстѣ вспомнить о замѣчательныхъ дняхъ Парижской Коммуны 1871 года. Шестнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда, по выраженію Карла Маркса, „старый міръ корчился въ конвульсіяхъ бѣшенства при видѣ краснаго знамени, символа республики рабочихъ, развѣвающагося на ратушѣ“. Какъ разъ въ точкѣ дѣленія этого періода пополамъ, тому восемь лѣтъ, въ 1879 г., мнѣ пришлось говорить передъ товарищами объ этой самой Коммунѣ, и потомъ, по желанію моихъ слушателей, развить сказанное въ печатной брошюрѣ. Въ 8 лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, не было обнародовано ничего такого, что побудило бы меня измѣнить мой тогдашній взглядъ на людей и на событія. Дни коммуны все болѣе отодвигаются въ прошедшее. Страсти, ею возбужденныя, улегаются все полнѣе. Ея защитники могутъ уже спокойно оцѣнивать ея недостатки. Нападки ея враговъ не всегда уже мѣшаютъ имъ безпристрастно обозрѣвать дѣятельность ея сторонниковъ. Рабочій соціализмъ сдѣлалъ новые шаги впередъ въ своей исторіи. Но все-таки дни Парижской коммуны остаются едва-ли не единственными днями воспоминаній, одинако-

во торжественныхъ для всѣхъ революціонныхъ группъ, заслуживающихъ вниманія, для всѣхъ сколько нибудь серьезныхъ фракцій соціализма, во многихъ другихъ отношеніяхъ враждебно относящихся другъ къ другу. Если бы я сталъ говорить о причинѣ этого, о значеніи Парижской Коммуны въ исторіи послѣдняго времени, мнѣ пришлось бы повторяться безъ пользы для моихъ слушателей, а я этого не желаю.

Но остаются слѣдствія Коммуны, ея „поучительные выводы". Когда новые 8 лѣтъ прибавились къ прежнимъ, то интересно спросить себя, не прибавилъ ли выводной процессъ исторіи къ прошедшему и новые уроки; интересно и поискать ихъ.

Эти уроки дѣйствительно были даны и къ нимъ вы позволите мнѣ обратиться.

Нынѣшняя эпоха многимъ отличается для соціалистовъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, отъ той, которая имѣла мѣсто въ 1879 г., когда я стоялъ передъ тою же задачею какъ сегодня.

Для русскихъ соціалистовъ это было время широкихъ надеждъ и сильнаго подъема духа. Это были дни, когда, послѣ 5 лѣтъ борьбы словомъ за соціалистическія идеи, послѣ 5 лѣтъ самоотверженной страстной дѣятельности въ народѣ, оплаченной годами тюрьмы и каторги, они сочли себя достаточно подготовленными и Россію достаточно озлобленною противъ растеряннаго правительства, чтобы начать рѣшительное и смѣлое нападеніе на вѣковыхъ враговъ русскаго народа, вооруженныхъ всѣми силами государства. Первые удары были нанесены. Аплодисменты, встрѣтившіе оправданіе Засуличъ, паденіе первыхъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ, рѣшимость бороться *до конца*—все это подняло духъ, внушало увѣренность, что убѣжденные соціалисты въ Россіи, истинные друзья русскаго народа, находятся наканунѣ рѣшительныхъ битвъ, можетъ быть наканунѣ блестящей побѣды. Этотъ подъемъ духа отозвался и на русскихъ, обитавшихъ тогда въ quartier latin въ Парижѣ. Они собирались не только

слушать, но и живо участвовать въ преніяхъ объ анархизмѣ и терроризмѣ, о вопросахъ соціализма вообще и русскаго соціализма въ особенности. Электрическая атмосфера охватывала присутствовавшихъ, ожидавшихъ ежедневно грозныхъ и громкихъ вѣстей съ родины, и, при первой возможности, уѣзжавшихъ туда, чтобы участвовать въ реальной битвѣ. Жажда дѣлъ, жажда жертвъ была въ воздухѣ. Большинство въ преніяхъ стояло за самыя рѣшительныя дѣйствія, за самыя смѣлыя нападенія на врага. Одиноки были голоса, которые напоминали объ опасностяхъ принятой тактики, о необходимости осмотрительности, строгаго разсчета ударовъ. Рѣдки и молчаливы были тѣ насмѣшливые скептики, которые уже тогда ушли съ головою въ свои личныя дѣла, въ свою личную заботу, съ презрительной улыбкой смотрѣли на поднятый духъ молодежи, и замѣчали лишь недостатки логики и краснорѣчія у пламенныхъ ораторовъ, не всегда надлежащимъ образомъ подготовленныхъ, обращали вниманіе лишь на смѣшную сторону явленій, безъ которой рѣдко обходится самое великое историческое движеніе. Тогда говорившему о Коммунѣ и о времени, за ней слѣдовавшемъ, приходилось искать въ исторіи только что минувшихъ 8 лѣтъ уроки необходимости серьезнаго подготовленія къ историческому дѣлу, необходимости строгаго выбора товарищей, необходимости осторожности въ пріемахъ борьбы; приходилось напоминать о томъ, что̀ погубило самоотверженныхъ бойцовъ Коммуны въ ихъ битвѣ съ старымъ міромъ. Именно *эти* уроки приходилось прилагать къ нашей родинѣ.

Теперь время иное. Пораженія и кровавые удары имѣли слѣдствіемъ, что въ Россіи порѣдѣли ряды самоотверженныхъ, энергическихъ борцовъ, готовыхъ *до конца* стоять за свое знамя. Они все существуютъ и, можетъ быть, мы наканунѣ ихъ грознаго выступленія въ новый, еще серьезнѣе разсчитанный бой. Но это теперь уже лишь лучшіе, отборные. Большинство болѣе или менѣе опустилось нравственно. Уныніе, без-

надежность и нерѣшительность являются его характеристическими чертами.*) Для нравственно-близорукихъ людей въ Россіи и за границей побѣда враговъ революціоннаго движенія, враговъ развитія русскаго народа, кажется полною. Они, можетъ быть, ошибаются. Еще есть живые люди въ Россіи, которые не опустили рукъ и рѣшились бороться до конца. Но эти люди, стоящіе тѣмъ выше при повальномъ приниженіи, уединены и разъединены. Ихъ пересталъ поддерживать въ ихъ рѣшимости подъемъ духа въ обществѣ. И здѣшняя русская колонія въ своей жизни отражаетъ то же настроеніе. Обвинять лично никого нельзя. Когда эпидемія упадка духа, измельчанія влеченій распространяется въ обществѣ, большинство лицъ, обладающихъ наименѣе здоровою конституціею, естественно подлежитъ зараженію. Я и не обвиняю. Я только констатирую. Исчезли добровольные, не всегда надлежащимъ образомъ подготовленные, но искренніе ораторы дѣла, въ которое всѣ вѣрили. Съ молчаливымъ любопытствомъ, можно сказать со скрытымъ недовѣріемъ, какъ нѣчто имъ постороннее, чужое, слушаютъ новыя аудиторіи слово, напоминающее о борьбѣ, о жертвахъ, слово, все болѣе отдаляющееся отъ сферъ ихъ обыденныхъ заботъ, ихъ обычной мысли. Вопросъ о ростущемъ страданіи русскаго народа, о рѣшительной борьбѣ съ деспотическимъ правительствомъ, о необходимости жертвъ и о долгѣ русскаго развитаго человѣка, становится все чаще чѣмъ-то въ родѣ сомнительнаго соперника концерту или театральному представленію. Торжествуютъ насмѣшливые скептики, которые уже восемь лѣтъ тому умѣли только улыбаться пламеннымъ, если не всегда толковымъ, рѣчамъ тогдашнихъ парижскихъ анархистовъ и террористовъ. Они улыбаются еще шире, смѣются громко и явно при

*) Въ ту минуту, когда я просматриваю эти строки въ корректурѣ (1 іюля 1887 г.), извѣстія изъ Россіи за послѣдніе мѣсяцы какъ будто указываютъ на новый значительный подъемъ духа въ русской молодежи. Съ радостью дѣлаю эту поправку. *П. Л.*

всякомъ воспоминаніи объ этихъ старыхъ мотивахъ, давно уже недоступныхъ ихъ атрофированнымъ сердцамъ, но еще за нѣсколько лѣтъ волновавшихъ собранія впечатлительной и честной молодежи. Уединены теперь даже ищущіе, чтó можно, чтó должно сдѣлать. Индиферентизмъ, карьеризмъ, забота о личномъ будущемъ, о собственномъ гнѣздѣ выступаютъ съ самымъ наивнымъ эгоизмомъ. Разочарованные, ослабѣвшіе, разбитые встрѣчаются на каждомъ шагу и изъ подъ этого разочарованія, изъ подъ этого моднаго пессимизма выглядываетъ слишкомъ часто тотъ самый эгоизмъ, который отвѣчаетъ на бѣдствія страны лишь платоническими вздохами, не чувствуя даже позыва лично исполнить обязанность, лично приносить жертвы. Повторяю, что я никого не обвиняю, а только констатирую, выражая еще болѣе глубокое уваженіе къ тѣмъ немногимъ единицамъ, которыя не поддались эпидеміи. Констатирую и то, что въ настоящую минуту было бы нецѣлесообразно извлекать изъ исторіи Коммуны и годовъ, за нею слѣдовавшихъ, какъ въ 1879 г., лишь уроки необходимости осторожности, обдуманности и разсчета. Есть основаніе предполагать совершенно достаточно благоразумія, черезъ чуръ много осторожности во всякомъ собраніи нынѣшнихъ русскихъ людей. Большинство разсчитываетъ очень хорошо, если и не дѣло на пользу общую, то — собственную карьеру. Но не даетъ ли исторія минувшихъ лѣтъ еще иныхъ уроковъ?

Да, она даетъ ихъ.

Совершенно иную картину представляетъ сравненіе соціализма въ Европѣ, какимъ онъ былъ, когда я обращался къ моей аудиторіи въ 1879 г., съ теперешнимъ его положеніемъ.

Мрачна была обстановка соціализма и едва первые, слабые проблески надежды на будущее можно было замѣтить на горизонтѣ. Въ Германіи только что вступилъ въ дѣйствіе законъ противъ соціалистовъ, давшій въ руки правительства оружіе, которое, казалось, дол-

жно было раздавить всякое сопротивленіе. Массами высылали соціалистовъ изъ знакомыхъ имъ мѣстностей, отнимая у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба. Во Франціи сторонники Коммуны были еще въ изгнаніи или въ Новой Каледоніи. Вопросъ объ амнистіи встрѣчалъ упорное сопротивленіе. За попытку интернаціональнаго собранія въ Парижѣ Гэдъ былъ посаженъ въ Sainte-Pélagie. Съ крайней осторожностью произносились рѣчи на конгресахъ французскихъ рабочихъ, и лишь осенью 1879 г. Марсельскій конгресъ придалъ другой характеръ этому движенію. Въ Англіи Trades-Unions'ы относились враждебно къ соціализму. Въ Америкѣ громадный взрывъ рабочаго возстанія могъ только доказать, что страна, куда еще въ 1872 г. удалился знаменитый Генеральный совѣтъ Интернаціонала, даже не знала о проповѣди послѣдняго. Въ Польшѣ соціалисты считались единицами и не было, казалось, никакой надежды, чтобы въ этой странѣ католическаго клерикализма и традиціоннаго патріотизма соціализмъ могъ пріобрѣсти силу. Повторяю, мрачно было будущее, и можно было ожидать, что десятки и десятки лѣтъ потребуются для того, чтобы соціализмъ въ главныхъ центрахъ цивилизаціи оказался въ силахъ играть видную историческую роль. Для большинства руководящихъ органовъ прессы это было сектаторство, о которомъ и говорить не стоило. Для отысканія признаковъ жизни въ соціализмѣ приходилось указывать на „Freiheit" въ Англіи, которая скоро заболѣла общею эмигрантскою эпидеміею оторванности отъ почвы. Во Франціи приходилось съ опасеніемъ привѣтствовать только-что родившихся „Égalité" и „Prolétaire". Въ Англіи и Америкѣ даже указывать было нечего. Мрачно было будущее.

Восемь лѣтъ принесло многое. Въ Германіи въ началѣ года 25 соціалистовъ засѣдало въ Рейхстагѣ и въ послѣдніе мѣсяцы, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ избранія, сотнями тысячъ считаютъ число голосовъ, пріобрѣтенныхъ соціаль-демократами. Сила и безцеремонность „желѣзнаго канцлера" сломились объ

устойчивость нашихъ нѣмецкихъ товарищей. Во Франціи всѣхъ потерь „кровавой недѣли", которыя должны были раздавить навсегда протестующій пролетаріатъ, какъ будто и вовсе не было. Громко защищаютъ свое дѣло сторонники соціальной революціи. Ихъ представители засѣдаютъ въ законодательномъ собраніи, какъ самостоятельная рабочая партія. Ихъ органы усиливаются и выставляютъ смѣло свои программы. Мало того. Радикалы буржуазіи находятъ необходимымъ называть себя соціалистами, выставлять соціалистическія программы, помѣщать чисто-соціалистическія статьи въ своихъ органахъ, и теперь приходится осторожно разбирать подъ общею рубрикою соціализма, кто надѣлъ изъ разсчета лишь маску его, и для кого онъ есть истинная характеристика убѣжденій. Наконецъ, вся пресса, консервативная, оппортюнистская, радикальная безпрестанно возвращается къ вопросамъ о соціализмѣ, къ опасности отъ соціализма, къ ужасамъ соціализма. Это утопленное тому 16 лѣтъ въ крови 35,000 человѣкъ ученіе составляетъ въ настоящее время историческій элементъ жизни, съ которымъ не только приходится считаться, но который растетъ и растетъ неудержимо, который не сегодня такъ завтра заявитъ себя какъ огромную политическую силу, если его сторонники не сдѣлаютъ непростительныхъ ошибокъ. Еще удивительнѣе измѣненіе положенія дѣлъ въ Англіи, совершившееся такъ наглядно, что мнѣ едва ли представляется необходимость упоминать о немъ. Предъ нами нѣсколько дѣятельныхъ группъ, вліяніе которыхъ все расширяется съ каждымъ днемъ; предъ нами нѣсколько соціалистическихъ органовъ, число читателей которыхъ все растетъ; вопросъ о соціализмѣ стоитъ на очереди на митингахъ, въ литературѣ, въ парламентѣ; это — ближайшій вопросъ будущаго. Въ этомъ собраніи не мнѣ упоминать о тѣхъ піонерахъ польскаго соціализма, которые на своихъ плечахъ вынесли и создали соціалистическую Польшу и съумѣли придать ей оригинальный типъ, составляющій нѣчто

среднее между чисто-рабочимъ типомъ соціалистическаго движенія въ Германіи, и преимущественно революціонно-интеллигентнымъ типомъ подобнаго движенія на нашей родинѣ.*)

Я спѣшу перейти къ заключенію. Прогрессъ соціалистическихъ идей, соціалистической организаціи, соціалистическаго дѣла вообще, въ Европѣ въ послѣдніе годы безспоренъ. Что-же доставило соціалистической Европѣ этотъ успѣхъ? Можно ли было предвидѣть его тому 8 лѣтъ? Нѣтъ, вѣроятнѣйшія предсказанія скорѣе могли быть сдѣланы въ невыгоду соціализма. Успѣхъ не былъ фатальнымъ результатомъ, независимымъ отъ воли и усилій человѣка. Въ немъ играла важную роль энергія личностей, вѣра въ свое дѣло убѣжденныхъ, самоотверженныхъ личностей. Ихъ не деморализировали ни пораженія, ни ренегатство, ни мелкая вражда мизерныхъ честолюбій. Тяжелые денежные штрафы, заключеніе, ссылка были для нихъ напередъ предвиденными случайностями. Опи рѣшились продолжать борьбу, потому что побѣда была хотя далеко не вѣрна, но возможна. И „желѣзный канцлеръ“, раздавившій Австрію и Францію, буржуазная палата, ненавидящая самое названіе соціализма, равнодушная ко всѣмъ идеаламъ въ своей промышленной дѣятельности Англія должны были уступить энергіи, самоотверженію, упорной рѣшимости горсти людей, которые устояли. И рѣчи соціалистовъ гремятъ въ Рейх-

---

*) Въ моей рѣчи 19 марта, желая сдѣлать ее возможно короче, я не упомянулъ о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Америкѣ. Въ то время, какъ я просматриваю корректуру этихъ строкъ, соціалистическое движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ получило особенно-интересный для насъ характеръ, такъ какъ оно вошло въ тѣсную связь съ „Русско-Американскою Лигою“, которая агитируетъ противъ конвенціи между Соединенными Штатами и Россійскою имперіею о взаимной выдачѣ политическихъ преступниковъ. Не могу не воспользоваться случаемъ, чтобы послать громкій привѣтъ нашимъ товарищамъ Лиги, выказавшимъ замѣчательную энергію въ своей недавно-начатой дѣятельности. (1 іюля 1887 г.) — *П. Л.*

стагѣ; и Sozial-Democrat читается во всѣхъ городахъ Германіи; и красное знамя коммуны развѣвается въ процессіяхъ на улицахъ Лондона. Оно не сегодня такъ завтра будетъ развернуто какъ правомѣрный символъ признанной политической партіи и въ Берлинѣ и въ Парижѣ. А затѣмъ.... но я не имѣю нужды говорить о болѣе отдаленномъ будущемъ.

Каковъ-же урокъ этихъ восьми лѣтъ для нашихъ соціалистовъ, для нашихъ революціонеровъ, для нашей честной молодежи? Я не говорю о ренегатахъ, о сознательныхъ карьеристахъ и индифферентистахъ. Они вычеркнуты изъ ея списка и для нихъ безсодержательны и смѣшны мои слова. Но есть и другіе, колеблющіеся, подавленные общимъ упадкомъ духа, слишкомъ безнадежно повѣрившіе въ свое безсиліе. Къ нимъ я обращаюсь. Пусть они почерпнутъ урокъ изъ этой исторіи, изъ реальныхъ событій послѣднихъ годовъ.

Нѣтъ непобѣдимыхъ препятствій для тѣхъ, кто дѣйствительно вѣритъ въ свое дѣло, для людей, готовыхъ на всякія жертвы изъ за успѣха этого дѣла, для людей, не пугающихся пораженія, не унывающихъ предъ случайностями. Были и будутъ ошибки, пораженія, жертвы, измѣны; были и будутъ разочарованія въ людяхъ и обстоятельствахъ. Всѣ серьезныя партіи переживали и пережили это. Это должны умѣть пережить и русскіе соціалисты-революціонеры. Въ томъ ли, въ другомъ ли поколѣніи, ихъ дѣло должно быть сдѣлано и *будетъ* сдѣлано. Падетъ русскій абсолютизмъ. Свободно раздастся слово соціализма на улицахъ, гдѣ теперь царятъ жандармы и шпіоны. Но эта побѣда можетъ быть отложена надолго. Наша родина можетъ еще многіе годы переживать униженіе повальной трусости, повальнаго преклоненія предъ правительствомъ, которымъ всѣ недовольны и котораго никто не уважаетъ. Если это будетъ такъ, то вина будетъ теперь въ значительной мѣрѣ лежать на той самой долѣ молодежи, которая отступила отъ традицій своихъ недав-

нихъ товарищей, въ которой въ настоящее время по немногу атрофируется способность самоотверженія, которую по немногу втягиваетъ тина карьеризма, которая опускаетъ руки, говоря: „дѣлать нечего; надо покориться; надо умалить свои стремленія, умалить свою душу; надо заботиться о своемъ гнѣздѣ“.

„Нѣтъ! — отвѣчаютъ немногіе разъединенные, но оставшіеся цѣлыми среди эпидеміи измельчанія и унынія — нѣтъ! Надо бороться! Надо снова и снова идти въ бой противъ деморализующаго капитализма, противъ вѣчнаго врага русскаго народа, противъ вѣчнаго врага всякаго прогресса нашей родины. Надо снова и снова, цѣною личныхъ жертвъ и личныхъ страданій нести проповѣдь соціализма въ русскій народъ. Надо отстаивать свое знамя до конца. Изъ подъ труповъ „кровавой недѣли“, изъ подъ неумолимыхъ ударовъ жестокаго нѣмецкаго закона противъ соціалистовъ, изъ подъ равнодушія англійскаго торгашества ко всѣмъ идеаламъ, соціалистическая Европа вынесла красное знамя Коммуны на его нынѣшнюю прочную высоту. Позоръ былъ бы для русской честной молодежи, позоръ былъ бы для всѣхъ тѣхъ, кто называетъ себя друзьями русскаго народа, если они не употребятъ всѣхъ усилій, не принесутъ всѣхъ жертвъ для того, чтобы поднять знамя соціализма въ Россіи, если они перестанутъ бороться всѣми доступными имъ и достойными ихъ средствами противъ русскаго императорскаго деспотизма“.

Предъ честной русской молодежью двѣ дороги. Одна — покатый путь приниженія и униженія. Другая — крутая тропа подъема духа, жертвъ и страданія. Каждый и каждая выбираютъ ту или другую дорогу, смотря по степени своего развитія, по степени своего пониманія человѣческаго достоинства. Совѣтовать тутъ нечего. Защитники Коммуны выбрали, и легли десятками тысячъ труповъ. Ихъ наслѣдники приняли смѣло ихъ завѣщаніе, и красное знамя все шире развертыва-

ется надъ міромъ. Русскіе соціалисты могли черпать полезные для нихъ уроки изъ исторіи Коммуны тогда, когда надежды ихъ были велики. Они могутъ черпать изъ нея столь же важные уроки и въ настоящую минуту господства около нихъ откровенной трусости и напускнаго пессимизма.

